

Глава 1

ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ, НО ОТПУСКА — ОТМЕНЕНЫ

Москва, Кремль, 12 июня 1941 года, Советский зал Большого Кремлевского дворца. Идет торжественное вручение дипломов об окончании Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР. В зале только отличники боевой и политической подготовки. «Красные дипломы» вручают нарком обороны маршал Советского Союза товарищ Семен Константинович Тимошенко и председатель Комитета Оборона СССР маршал Ворошилов. Представляет всех отличников генерал-майор Калмыков, начальник училища. Он назначен на эту должность всего три месяца назад, но успел «не понравиться» всем курсантам третьего курса. Он был «паркетным генералом», служил в отдельном эскадроне охраны НКО, любимчик Ворошилова, «показушник» и..., а что там говорить! Все равно все это уже позади! Сейчас получим дипломы и в отпуск!

— Я! — громко сказал лейтенант Иван Артемьев и четким строевым шагом направился к сто-

лам, на которых были разложены их бумаги и перед которыми стояло «большое начальство».

— Лейтенант Артемьев, представляюсь по поводу получения воинского звания лейтенант и завершения учебы в Московском Краснознаменном училище имени Верховного Совета РСФСР!

— Поздравляю вас, лейтенант Артемьев! Куда направили?

— В Западный особый, товарищ маршал Советского Союза.

— Удачи тебе, лейтенант!

Тимошенко правой рукой передал документы, пожал руку лейтенанту, выслушал его ответ и, после поворота кругом бывшего курсанта, потряс пальцем ухо. Фальцет у мальчишки был громким и высоким.

Иван прошел на место и встал в строй. Всё, училище закончено! Еще несколько раз он пропускал вызываемых из строя, но больше всего он ждал команду «разойтись», однако внешне это никак не проявлялось. Что-что, а строевая подготовка в училище была на высоте! Буквально «замордовали» ей. За три года службы каменное выражение лица и строевой шаг въелись в мозг, как антрацит у шахтера в морщинки глаз, стали неотъемлемой частью самого себя. Но маршал Ворошилов в последнем слове, после вручения последнего диплома лейтенанту Яхонтову, обрадовал всех, кто распределился в приграничные округа:

— Проездные документы выписаны на завтрашнее число. Во всех западных округах отпуска отменены, товарищи лейтенанты.

Шума дисциплинированные бывшие курсанты не подняли, хотя перед этим маршал уверял их в том, что слухи о скорой войне с Германией распространяют британские империалисты и они лишены какого-либо основания. Им скомандовали «Кругом» и вывели из дворца. Калмыков еще раз выстроил их и строго предупредил, что через три часа их пропуска будут аннулированы. После этого скомандовал «Вольно» и «Разойдись». Как только он отвернулся, в воздух взлетели новенькие фуражки и прозвучало троекратное «Ура». Калмыков повернулся и погрозил пальцем, но «строить» никого не стал.

В «батальоне» все уже было готово, остальные курсанты-выпускники с серыми дипломами еще утром покинули родные стены. Через тридцать минут Артемьев, Иванов и Захаров, неразлучные друзья все эти три года, отдали честь часовым у Никольской башни, курсантам второго курса, и вышли на Красную площадь. Отойдя на десять шагов, там, где на брусчатке была нарисована полоса, они еще раз подбросили фуражки, прокричали «Ура» и направились на Болотный остров, где у Виктора Захарова проживала тетка, супруга довольно большого начальника, его родного дяди, в распоряжение которого он и распределился. Ему на юг, в Одесский округ, Константина напра-

вили на Северо-Запад, он тянул на красный диплом из последних сил, ему требовалось попасть «домой», в Ленинград, и двое друзей ему в этом помогали. Сам Иван своим правом выбрать округ, где будет служить, не воспользовался. Незадолго до выпуска он поссорился с Зоей, своей подругой, работавшей в училище. Та дала согласие на брак, но другому человеку, одному из преподавателей. Предварительно у него был записан Московский округ, было предложение остаться в училище, но в этих условиях ему совершенно этого не хотелось. Вот и сказал, чтобы посылали туда, куда необходимо. В итоге: 125-й стрелковый полк 6-й стрелковой дивизии ЗОВО.

Друзья прошли по набережной мимо английского посольства, миновали Большой Каменный мост, зашли в продовольственный магазин на улице Серафимовича, где купили торт, вино и водку. Их «ждали»: помимо тети Марии, красивой 33-летней женщины, там находились подруги двух друзей Ивана. Еще несколько дней назад среди них «царствовала» Зоинька-Заинька, но сейчас ее здесь не было: у нее на воскресенье свадьба назначена. Все знали об этом, поэтому старательно придерживались нейтральных тем и поздравлений. Были и танцы, не до упаду, но тем не менее. С Иваном танцевала хозяйка, от которой исходил пряный запах каких-то духов, заграничных. Тем не менее Иван чувствовал себя

«не совсем в своей тарелке», поэтому еще засветло засобирался на вокзал. Там в 20 часов отходил скорый поезд Москва–Варшава–Берлин: самый быстрый способ попасть в Брест. Его проводили друзья, их подружки и даже хозяйка квартиры, не выпускавшая его руки до самого поезда. Однако количество старших командиров на вокзале было достаточно большим, поэтому второй рукой она держала племянника. Мало ли кто что подумает! Она же жена начальника штаба целого округа! Но молодая и красивая! В купе их не пустили, попрощались у дверей купейного вагона. Никто из них и не догадывался о своей дальнейшей судьбе и о том, что им предстоит. У всех одно пожелание: успешной службы!

Поезд дернулся и разорвал последнее рукопожатие друзей, сделанное через открытую форточку вагона. Махнув несколько раз левой рукой, Иван развернулся и прошел в купе. Три старших командира РККА, слегка улыбаясь, смотрели на него.

— Лейтенант Артемьев, направляюсь к месту службы после окончания МКПУ имени Версовета.

— Зовут как? — спросил худощавый и невысокий майор-танкист у очень высокого лейтенанта.

— Иваном.

— Во как точно: Ванька и взводный! Константин, корреспондент, — поддел его интендант второго ранга, который перед этим бурно прощался с двумя девушками на платформе.

Самый старший из командиров, с тремя шпалами на петлицах, украшенных щитом и мечом, не только не назвал себя, но и приказал выйти из купе и дать возможность ему постелиться. Все трое вышли из купе и прошли в тамбур. Майора отозвали из отпуска, корреспондент только что получил предписание в окружную газету, и Иван пожаловался, что отпуск ему предоставить отказались. Все ехали в разные места: Иван в Брест, Константин в Минск, а Анатолий в Волковыск. Но до утра еще куча времени. Военюрист первого ранга всем не понравился, поэтому со стороны Анатолия последовало предложение сходить в ресторан и поужинать. По возвращению юрист уже спал, в купе пахло хорошим коньяком, утром перед Минском всех разбудили, хотя самому Ивану еще ехать и ехать, без пересадки.

В Минске выяснилось, что по меньшей мере в трех вагонах едут немцы, в том числе и военные. В 16.20 во все купе заглянули проводники и предупредили, чтобы все приготовили документы для проверки. Впереди была «станция Березай, хочешь не хочешь, а вылезай». Граница. До проверки документов из вагонов не выходить. Юрист по-прежнему все еще ехал на нижней полке под Иваном и ни с кем не разговаривал. После стука в дверь он поднялся и облачился в гимнастерку.

— Вот и все, Иван свет Иванович. Прибыли, Брест-Литовск. Глаза б мои на него не смотрели.

Через пятнадцать минут, козырнув стоящему у выхода вооруженному пограничнику, они оба вышли из вагона.

— Комендатура там, — буркнул на прощание юрист и зашагал к вокзалу.

Ивану он показал в другую сторону. Туда потихоньку стекался одетый в хаки народ. Здесь все делалось быстро комендантом и тремя его помощниками. Сразу за забором находились представители сборов приписного состава шести воинских частей брестского гарнизона. Иван подошел туда первым прибывшим с этим поездом из состава 6-й стрелковой дивизии. Капитан, командовавший на пункте, внимательно рассмотрел его бумаги.

— Тебе не с нами. Церковь видишь? И казармы? Вот тебе туда, да поспешай, через полчаса там никого из начальства не будет. Найдешь дежурного по части, он покажет, куда и к кому идти, а мы в крепость.

Капитан внимательно посмотрел вслед лейтенанту и покачал головой:

— Во вымахал, ему б на флоте служить!

Идти было совсем недалеко, теперь в этом месте путепровод, бывшая слободка Граевская, Северный сквер и Северный городок. Там располагался, частично, 125-й стрелковый полк. От плаца полка до границы 2 тысячи 845 двойных шагов, 4 километра 230 метров. Казармы находились в прямой видимости из-за Буга. Но лейтенанта

это совершенно не беспокоило. На КПП ему подсказали, что за военным городком (домами комсостава) есть еще казармы. Которые еще ближе к границе, так вот: ему туда. Железнодорожные пути не пересекать, арестуют. Там погранзона. Теперь это место носит название «имени Брестских дивизий», улица, переулок, тогда это все называлось Северный городок. Крепость находилась южнее. Ему повезло, и он застал командира 125-го полка майора Дулькейта еще в своем кабинете, хотя тот уже собирался идти домой. Иван представился и передал ему предписание.

— Прибыли? Это хорошо, что без опоздания, даже раньше, вас завтра ждали.

Командир снял трубку телефона и куда-то позвонил. Выслушал доклад и сказал:

— Старшего лейтенанта Матвеева ко мне. — И повесил трубку. Помял себе подбородок, подошел к шкафу, достал оттуда папку.

— Примешь взвод в 75-й ОРР, мы ее только формируем. Сейчас подойдет твой будущий командир. Собственно говоря, вы оба числитесь в дивизии, но формировать роту поручено мне. Отдельная разведрота. Работы у вас пока немного, а жаль, хотелось бы знать, что происходит на той стороне границы. Но приказа нет...

В дверь постучали и на пороге кабинета возник еще один командир РККА.

— Вызывали, товарищ майор? Старший лейтенант Матвеев прибыл по вашему приказанию.

— Просил взводных? Вот тебе взводный. С корабля на бал, прямо с поезда сюда. Займись обустройством, введи в курс дела, завтра, в 11.00, оба ко мне, получите инструктаж по дальнейшей работе. Матвеев, больше среднего комсостава не предвидится, так что крутись, Александр Иванович.

От командира заскочили в строевой отдел и в финчасть, Иван получил ордер на «квартиру». Из штаба в роту, на втором этаже казармы, построенной еще при царе Горохе. Из окон канцелярии были отлично видны река и железнодорожный мост. За рекой генерал-губернаторство. В полученном взводе всего 19 человек, в основном красноармейцы служат второй год, старослужащих всего три человека. Вечером, после отбоя, оба командира заглянули в местную «пиварню», где закусили кнедликами и выпили по кружке пива. Холостой Александр жил рядом, снимая комнату у железнодорожника, а Ивану предстояло идти в дом переменного состава, расположенный почти у здания казармы.

Утро началось с обычной физзарядки, и на ней к новому взводному сразу прилепилась кличка: «Лось». В училище он учился в первой роте, куда отбирали самых высоких, эта же рота считалась «разведывательной», но никаких особых премудростей там не преподавали: налегали на физподготовку и действия в разведдозоре. Бега-

ли там много, и Иван попытался перенести это на занятия со взводом, не слишком удачно, так как выдержать такой темп сразу красноармейцы не могли. Требовались время и тренировки. Место для занятий Иван с Александром выбрали рядом, прямо за забором городка был холмик высотой 140,4 метра, за ним — второй 145,0. Вот между этими вершинками и носилась разведрота, численностью чуть больше взвода: 47 человек списочного состава. Через неделю предстояли корпусные учения, которые должны были начаться в ночь с понедельника на вторник, с 23-го на 24 июня.

Появление второго среднего командира чуть сдвинуло безразличие интендантов, и личному составу выделили новенькое полевое обмундирование, маскхалаты, две радиостанции, ножи, даже буденновские рюкзаки нашлись в закромах у интендантов. Дело было в том, что командир полка заканчивал «Верховного Совета» во времена, когда она называлась 1-й пулеметной школой РККА. Он — из латышских стрелков и лично был знаком с Лениным. Стоял в карауле у его кабинета. Первая рота и тогда была разведывательной. Вот и решил «тряхнуть стариной», заполучив краснодипломника с Почетной грамотой НКО. В субботу 14 июня, тогда это был полновесный рабочий день, он накрутил хвоста всем, начиная с Ивана и заканчивая зам по тылу, что формируем роту уже два месяца, а воз и ныне там. Провел стро-

ею смотр, тыкая пальцем в недоработки. Заодно передал в роту три автомобиля: из-за близости границы стрельбище находилось в 12 километрах от полка под Кошицей, не набегаешься, хотя пару раз Иван устраивал такие пробежки для всего личного состава.

«Лось» — он и есть лось. Ему эти 24 километра с полной выкладкой и со стрельбой были в порядке вещей. Летом училище находилось в лагерях под Солнечногорском, и там существовало только два режима перемещения: строевым и с песней, и бегом. Не сказать, что эти нововведения абсолютно всем нравились, тем более что в воскресенье по поводу войны выступал сам Сталин по радио и заявил, что это только слухи. Он пытался по реакции немцев определить сроки нападения, до которого оставалось шесть суток и несколько часов.

Гарнизон в Бресте внимательно выслушал вождя, его слова многократно повторили политработники, и все несколько расслабились. Учеба носила в том числе и формальный характер, тем более что прибыло пополнение после полковой школы в Бульково, которое только предстояло «поставить в строй». Оно приехало в следующую пятницу, двадцатого числа. Всю субботу переобмундировывали молодежь из Минска и Барановичей. Большинство из них в разведку не слишком и годились, их срок службы состоял из трех недель в лагере и присяги. В субботу в 17 часов